

УДК 81. (075.8)

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО: ОТ ТРАДИЦИИ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ К МАССМЕДИЙНОЙ

А. В. Полонский

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Polonskiy@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются дискурсивные особенности православного слова в условиях современных российских масс-медиа.

Ключевые слова: православное слово, масс-медиа, дискурс, коммуникация, культура.

Современный человек особенно чувствителен к масс-медиа, к предлагаемым ими концептуальным формулам и метафорам. Роль масс-медиа как комплексного средства «освоения человеком окружающего мира в его социальных, интеллектуальных, нравственных, художественных, психологических аспектах» – справедливо замечает Н. Б. Кириллова – растет в обществе «невиданными ранее темпами» [13, с. 11]. Сегодня, чтобы оставаться включенным в контекст актуальной жизни и общественной мысли, необходимо быть открытым средствам массовой информации, поскольку именно они формируют общественную повестку дня и являются главными разработчиками и поставщиками содержательных и стилистических форм, которыми руководствуется современный человек в практике своей мысли и в своих поступках. Масс-медиа, фокусируя общественное сознание на тех или иных фактах, когнитивных структурах и эмоциональных реакциях, придают им статус социальной значимости и таким образом формируют особую, массмедийную картину мира, которая не всегда созвучна мыслям и идеалам духовно-интеллектуальной элиты, не всегда соответствует «праздничной» нравственности и вкусам общества. Тем не менее масс-медиа, обладая уникальной способностью наделять субъекта возможностью говорить с самой широкой аудиторией от имени общества и в его интересах, являются сегодня тем духовным пространством человека, в котором он в солидарном усилии общественной мысли разрабатывает востребованную обществом концептуальную формулу социального блага. Этим и объясняется то, что в массмедийное информационное пространство со своей духовной миссией пришло и православное слово, нацеленное на внутреннее преобразование человека посредством обретения им богооткровенной истины, на приобщение человека к высоким духовным ценностям Православия как основы нравственности и душевной гармонии. Православная Церковь таким образом предъявляет, говоря словами представителя Русской Православной Церкви протоиерея Всеволода Чаплина, свою «претензию на перемену окружающей реальности» [4].

Православная мысль в российских масс-медиа занимает сегодня значительное пространство. В 1998 году заработало православное информационное агентство «Русская линия» (rusk.ru). К 2005 г. было зарегистрировано уже около 800 православных изданий, а в целом их насчитывалось, по некоторым данным, около 18000 [5]. При этом количество православных масс-медиа постоянно растет. Издаются газеты «Правило веры», «Русь Державная», «Православная Москва», «Московский церковный вестник», «Радонеж», «Покров», «Смоленск православный», «Небесный всадник», «Татьянин День», журналы и альманахи «Русский Дом», «Духовный Собеседник», «Благодатный огонь», «Нескучный сад», «Встреча», «Новый ковчег», «Добродетель», «Славянка», «Вертикаль. XXI век» «Добродетель», «Фома», детский журнал «Божья коровка» (<http://www.bkorovka.ru/>) и многие другие. Функционируют право-

славные радиостанции «Воскресенье» (г. Екатеринбург) и «Град Петров» (г. Санкт-Петербург), радио «Радонеж». В Екатеринбурге начала работать православная телекомпания «Союз». В настоящее время в Рунете (по некоторым источникам) насчитывается более 1000 сайтов, имеющих православную направленность: *hristianstvo.ru* (каталог православных ресурсов Интернета), *mospat.ru* (официальный сайт отдела внешних церковных связей Русской Православной Церкви), *patriarchia.ru* (официальный сайт Московского Патриархата), *blagovest.bel.ru* (официальный сайт Белгородской и Старооскольской епархии), *sedmitza.ru* (сайт церковно-научного центра «Православная Энциклопедия»), *pravoslavie.ru* (сайт Сретенского монастыря), *mpda.ru* (сайт Московской православной духовной академии), *spbda.ru* (сайт Санкт-Петербургской православной духовной академии), *reshma.nov.ru* (официальный сайт Просветительского центра и издательства «Свет Православия»), *zavet.ru* («Православное чтение» – информационно-просветительский проект), *rus-svyat.ru* (русский культурно-просветительский фонд имени святого Василия Великого), *ljubo.ru* (православные знакомства) и многие другие. В 2009 г. создан Фонд поддержки православных СМИ «ТВ СПАС», нацеленный на оказание им материальной и информационной помощи в организации духовно-просветительских программ и мероприятий.

Православная тематика, кроме того, является ведущей или значимой во многих светских масс-медиа, поддерживающих идеи возрождения русских культурных традиций. Среди них: международный научно-популярный просветительский журнал «Русский Мир», журнал «Русский Дом», журнал художественной литературы и общественной мысли «Слово», литературно-художественный журнал «Всерусский собор», общенациональный «Русский журнал», «Мир Белогорья» – первое общественное телевидение и радиовещание Белгородской области и др. Показательны в связи с этим слова О. Шестинского из его журнального очерка «Самобытное слово Вологды»: «Русь создавалась и монастырями. Они обихаживали новые, неведомые земли, служили и крепостным оплотом, житницей в тяжкие годы. В монастырях для жизни сходились нравственные пришельцы, и от их долгих и бессонных молитв витала, ширясь над русским бытом, особая намоленность, без которой Россия не способна была бы жить, как без весенних дождей, материнской любви, воинской самозабвенности. И те, которые взваливали на плечи монастырские заботы, составляли спасающую прослойку среди незаурядных искателей Божьей истины» [31, с. 101].

Однако православное слово, как самобытная духовно-нравственная традиция, свято хранящая границы «высокого небесного гражданства» (А.С. Шишков), не «вписывается», как отмечают многие исследователи, «в формат современных СМИ [19]. «“Поединок” СМИ и Церкви порождает ложный “публично-церковный” дискурс, который совершенно оторван от каких-либо актов веры, который не в состоянии коммуницировать те основы, из которых вытекает оценка событий» [23], поскольку высокие духовно-православные истины с трудом передаются современным массмедийным языком.

Современные масс-медиа – уникальный когнитивно-коммуникативный ресурс, отличающийся настраиваемостью на обозначенный фактом контекст текущей, быстро меняющейся жизни, на широкую аудиторию – многоликую, многоголосую, рассредоточенную по разным параметрам, мировоззренчески и духовно неоднородную, не отличающуюся единообразием социальных статусов и стандартов, жизненных установок и стилей жизни, демонстрирующую несовпадения в отношении к культурным смыслам, их иерархии и способам их освоения.

Отличительной особенностью масс-медиа является их особая чувствительность к культуре вопроса (практике спрашивания) как форме познания существенного в факте, к культуре рефлексивно-критического диалога, полемики и аргумента как формам установления истины. Истина же в масс-медиа не является самоцелью, она выступает в качестве важнейшего средства решения социальных задач и обретается в процессе поиска, накопления и обработки информации, через проверку, доказательств-

во и обоснование, через овладение социальной историей смысла и слова, через «поединок» со словом, которое может оказаться «изломанным» (Ю. Тынянов), извращенным, оторванным от своей культурной традиции. Более того, масс-медиа зачастую ориентируются не на постигаемый рациональным усилием смысл, а на культурно-идеологический контекст слова и его воздействующий эффект. «Дремучий социалдарвинизм», по меткому определению С. Г. Кара-Мурзы, оформившийся в лозунг современных масс-медиа «конкуренция – это наше всё» [10], требует простого или даже упрощенного слова, броского, такого, которое «цепляет» и воодушевляет толпу, как магический знак в ритуальных практиках.

Особенность современных масс-медиа проявляется и в их чувствительности, с одной стороны, к нравственному выбору личности как феномена мировоззренческого самосознания, а с другой – к жизненной практике «массового человека», упрощенного, усреднено-поверхностного, отчужденного от самостоятельной, критической мысли и опыта глубокого сопереживания, не нацеленного на «самостоятельное обдумывание, осмысление, понимание» [6], адаптированного к облегченным, тривиальным, стереотипизированным, тиражированным формулам мысли и речи. В массовой коммуникации «вектор развития, – пишет Г.Я. Солганик, – смещается от книжности к нейтральности... на первый план выдвигается “средний” стиль. “Высокий” теряет свои позиции, “низкий” приближается к середине... для всех сфер литературной речи характерна тенденция к снижению или исключению пафосности, к адекватной передаче информации минимальными языковыми средствами» [28, с. 19]. Ориентированные на сознание «усредненного» человека, на «общедоступность», масс-медиа не всегда являют опыт глубоких нравственных суждений и эстетических переживаний высокого: ими активно осваивается стилистика балагурства – непринужденно-шутливого разговора, зачастую лишённого какой-либо социальной мысли, оторванного от культурной традиции и срывающегося с «разговорности» в «низкие» сферы языка. Масс-медиа таким образом не только «смещают стилевые пропорции» в направлении сниженности и непафосности [17, с. 68], не только деформируют слово, разрушая его стилистику и смысловую структуру, но и упрощают, делают «плоским» интеллектуальный и чувственный опыт человека.

Масс-медиа создали, как справедливо замечает В. Д. Мансурова, «культурную среду принципиально нового типа... Равнозначным по степени выразительности оказывается ужасное и прекрасное. Реальность медиа-событий превращается в зрелище, “дебаш знаков” (по известному выражению Ж. Бодрийара)» [21, с. 5]. Утрата в масс-медиа осознания «высокой» границы и потеря иерархичности смыслов, присущей культуре [16], создает условия для аксиологической рассогласованности, в результате которой в обществе деградирует способность вырабатывать свои духовные приоритеты, осуществлять верный духовный выбор. Не случайно в Госдуму РФ неоднократно вносилось предложение создать Совет по защите нравственности в области масс-медиа. Опросы показывают, что большинство россиян выступают за введение нравственной цензуры. Как сказал протоиерей Сергей Махонин, «цензура, безусловно, нужна. Пропаганда безнравственности в СМИ – это самое настоящее безобразие, но в СМИ работают не только безнравственные и безответственные люди, но и люди, отстаивающие нравственные позиции. Если у человека есть совесть, то он в первую очередь спросит самого себя, что он делает, кому он служит, что он пропагандирует. Все дело в совести, в системе нравственных ориентиров... Если учесть нынешнее состояние нашего общества, если брать в расчет состояние массового сознания, то наше гражданское общество не способно взять на себя обязанности цензора. Нравственные принципы в нашем обществе размыты, носят неопределенный характер» [26].

Особенностью современного массмедийного языка является его повышенная эмоциональность и оценочность, что обусловлено укрупнением воздействующей функции, особенно востребованной в массовой коммуникации. С этой целью используются все возможные ресурсы языка [30; 9, с. 54 – 59]. Массмедийная оценочность

формируется на основе семантической оппозиции «свой – чужой», которая сегодня активно порождает, говоря словами Н. И. Клушиной, «агрессивную эстетику» [14, с. 151]. Речевая агрессия, свойственная современным масс-медиа, становится все более изощренной.

«Несоблюдение дистанции, заезды на чужую территорию» [29, с. 34], свойственные современным масс-медиа, свидетельствуют об их установке на завладение сознанием человека с подключением богатейшего арсенала доступных методов и средств манипулирования. Не случайно отличительной особенностью массмедийного языка становится расширение технологии выразительного, экспрессивного письма, «распространение техники “цитатного письма”, игровая стихия, интертекстуальность, совмещение голосов автора, персонажа и повествователя» [28, с. 14], а также другие средства повышения прагматического эффекта на аудиторию. Это осуществляемое масс-медиа «покушение» на адресата, похожее на вытеснение из поля смыслового обмена «встречного сознания», превращает социальный диалог в его видимость, в арену жесткого самоутверждения «я».

Православное же слово обладает иной духовно-коммуникативной традицией. Как говорил епископ Русской Православной Церкви Сергей (Королёв), «наше общение в слове небезразлично. Слово имеет вечность... Надо так пользоваться словом, чтобы не ответить за него в день судный» [25]. Православное слово – просвещающее, взыскующее, похожее на наставление или поучение, увещание или утешение, уговор или совет духовного благовестника, учителя, научающего человека совестливости и праведности жизни и ведущего его от сомнений к вере. Высокий духовно-нравственный потенциал православного слова обеспечивается жестким *соблюдением семантической границы*, нормативной сфокусированностью, удержанием точности и иерархичности исконных, завещанных святоотеческой традицией нравственно неуязвимых смыслов.

Особая духовная традиция православного слова обнаруживается в его отношении к *истине, красоте и добру*.

Духовно-православная традиция определяет, говоря словами диакона Андрея Кураева, «верующее отношение к *Истине*» [18]. Истина как богооткровение открывается человеку не умозрительно, не понятийным размышлением и логикой доказательств, а через личный опыт духовной жизни, через покаяние, смирение и чистоту помыслов, через личный опыт вчувствования и веры, которая, как говорил св. Максим Исповедник, есть «истинное познание, имеющее недоказуемые начала, будучи удостоверением в вещах, превышающих ум и слово» [15, с. 13]. Восхождение к богооткровенной истине является задачей всей жизни человека.

Красота в духовно-православной традиции – это не гармония, выверенная по лекалу, созданному человеком, не осознанная им целесообразность, а духовное подвижничество и нравственный поступок, соответствующий высоким смыслам призвания человека, обращенного к богооткровенной истине, долгу и дому. Здесь православное слово обретает свою особую чувствительность к пафосности, торжественности и высокой стилистике (*сладкопение, благодать, сопричастность, благоистинный, духоносный*), а также способность высоко заявлять о вере, долге, патриотизме, родине, доме и семье.

Слово, говорил епископ Русской Православной Церкви Сергей (Королёв), «должно творить нашу жизнь, собирать добро, сблизать нас, вносит единение» [25]. *Добро* в святоотеческой традиции осознается как «душевный труд» и «любовь к людям» [24, с. 59], как духовное господство над своим «я». Православное слово находит путь к человеку на основе любви, совести и нравственного долга. Именно в «любовном внимании к человеку», на что обращал внимание еще в XI веке преподобный Феодосий Печерский, игумен Киево-Печерской лавры, заключается нравственная сила православного слова, лежащая в основе его духовной миссии. Обращенность к духовному миру

другого человека задает православному слову особую прагматику, определяемую как «делikatность» [15, с. 14] и отзывчивость, призыв, а не принуждение и посягательство.

Анализ материалов, опубликованных за последние годы в российских православных и светских печатных изданиях, а также размещенных на интернет-сайтах, показывает, что православное слово активно пытается выработать свой массмедийный формат. «Труженики церковные» (по определению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II – иерархи Православной Церкви, известные богословы, православные журналисты и публицисты), а также те, для кого православное осмысление мира является движением души, кто черпает в православной культуре образцы бескорыстного служения во благо родины, кто своим словом свидетельствует о высоких духовных и нравственных ценностях православной веры, поднимают не только важнейшие вопросы веры и духовного просвещения, но и повседневной жизни, ориентируясь на рядового человека и стараясь вести диалог с ним на доступном языке, при этом сохраняя особую, подчеркивающую высокие, чистые смыслы стилистику: *служение, лик Христа, Пречистая Богородица, послабление, исповедальный, возрастающий, искусительный, преисполниться, препоручить*. Таковым, например, является слово пастыря в журнале «Славянка»: *«Наше сердце как некий чуткий прибор, реагирует на справедливость и еще более на несправедливость. Радует одной и болезненно переживает или возмущается другой... Однако, при множестве общих черт, представление о справедливом и несправедливом у разных людей – разное. И зависит оно от состояния совести... В человеческой оценке справедливо – несправедливо всегда есть сколько-то корысти...»* [27, с. 6].

Православное слово, нацеленное на заинтересованный, стилистически и жанрово выдержанный разговор как о вечном, так и о повседневном, текущем, принимает в современных масс-медиа форму не подробного или сокращенного пересказа Священного Писания, а скорее личностных свидетельств о благодатном и подвижническом, форму наставлений и нравоучительных историй, которые помогают человеку узнать сокровенное и ощутить истинное чувство собственного достоинства, совсем непохожее на *«гордое несения себя»* [20, с. 5]. Через соприкосновение с личностями – подвижниками русской земли и православной веры, простыми людьми, укорененными в своем мировоззренческом выборе, – человек приходит к осознанию своего высокого предназначения на земле, своего духовного воззвания и долга. Так, например, в очерке Елены Мирошник «Аннушкина тайна» раскрывается богатый внутренний мир простой русской женщины, по-настоящему воцерковленного человека: *«Эту маленького роста сухонькую старушку со светлыми глазами все звали просто Аннушка. Она была частью кухни, где всегда сидела у окна на белом табурете. Её голова, покрытая простеньким платочком, едва возвышалась над подоконником. Трудно сказать, видела ли она двор и обьичную людскую суету, но неба было видно сколько угодно. Окно было очень высоким. Иногда, сидя на табурете, Аннушка могла задремать, и нам, детям, было смешно оттого, что бабушка “клюёт” носом. Но, вдруг очнувшись, она продолжала сидеть на своём табурете. Почему на табурете? Ведь в квартире много стульев, а табурет один. Только сейчас я понимаю, как это было неудобно. Но казалось, что бабушка не уставала, она даже не сутулилась. Спина прямая, руки спокойно лежат на коленях, так же спокойны и глаза. И в то же время не было ощущения, что она смотрит в одну точку.*

Не знаю, сколько ей было тогда лет. В детстве я об этом не думала. Мне казалось, что Аннушка очень старенькая. Иногда её просили почистить картофель, помыть посуду или пол. Я видела, как тяжело ей тащить таз с водой, чтобы вымыть пол, а когда она тёрла его тряпкой, ощущалась вся ее немощь. Но бабушка никогда не жаловалась, не отказывалась помочь. Молча сделав работу, Аннушка снова садилась на свое прежнее место...» [22, с. 24].

Особую идейно-стилистическую нагрузку православное слово обретает в массмедийном диалоге о России и родине, в котором сопрягаются высокие смыслы куль-

турной традиции, православия, державности и русского языка. Показательной, например, является публикация в журнале «Фома»: *«Официальное празднование крещения Руси – это признание того, что самим существованием наших государств, то есть России, Украины, Белоруссии, мы обязаны произошедшему в 988 году. Православие стало для наших предков не только личным духовным выбором, но и народообразующим и государствообразующим фактором. 28 июля – это, можно сказать, день рождения нашего народа.»*

В самом деле, что тысячу лет назад объединило славян в один народ? Общность крови? А разве общность крови – не фикция? Все живущие рядом племена и народы перемешиваются между собой. На востоке мы перемешались с татарами, на севере – с финнами... Одним народом нас сделала только общая культура, более того – общие духовные ценности, то есть общая вера. Вся наша культура, вплоть до начала большевистских гонений, была пронизана Православием. Даже когда отворачивалась от него. К примеру, нигилисты XIX века, при всем их антиклерикализме и материализме, вдохновлялись идеей общего блага и искренне желали добра своему народу (в отличие, кстати, от интернационалистов, совершивших Октябрьскую революцию) – а все эти умонастроения берут почву в православном мировосприятии» [8].

Обретая массмедийную чувствительность, православное слово приближается к контексту современной жизни человека, его социальным запросам, повышая свою способность включать в общественное сознание апелляции не только к вечному, не только к культурной традиции, но и к текущему, частному и даже периферийному (*молодежный глянец, паломники и туристы, рок-симфония, материнство, дом-интернат, благотворительность, православный дресс-код, политическая оперетта*).

Благодаря присущей масс-медиа практике спрашивания, рассуждения, объяснения и убеждения православное слово наращивает свою объяснительную силу – способность дать развернутый, аргументированный и доступный широкой аудитории ответ: *«Господь призывает нас к жизни в конкретной исторической и социально-культурной среде, и эта среда является хранилищем человека и местом реализации его предназначения. И родовая принадлежность помогает человеку воспринимать мир в той природной, социальной, исторической среде, в которой он призван к жизни. Это то, что позволяет человеку сформировать и осознать свою самобытность. Мы все единасущны, мы все называемся одним именем – Человек, но каждый из нас имеет свое лицо, и вот с этой точки зрения принадлежность человека к конкретному роду очень важна: так формируется индивидуальность, личность приобретает новые грани, ипостаси. И с другой стороны, родовая принадлежность помогает человеку идентифицировать себя в этом мире, среди других людей. И если учесть, насколько стремительно в современном мире идут процессы унификации людей, насколько сильна тенденция к приведению всех к одному стандарту, можно предположить, что роль кровно-родовых связей будет возрастать, потому что именно они позволяют человеку не потерять и осознать свою индивидуальность, сохранить свое лицо» [7, с. 2].*

С целью повышения своего прагматического эффекта в масс-медиа – пространстве жестко конкурирующих смыслов – православное слово расширяет практику использования

- тропеической образности (*псевдорелигиозный фастфуд, глобальный миксер, лукавая режиссура, пространство одного окна*),
- языковой игры (*родительский дым, “обкуривание” плода, «пролетая над гнездом утки», «хата не с краю»*),
- афоризации (*«Господь всякому дает душу, но не всякий ею живет», «творческие способности делают человека активным, а биологическая активность истощает», «единственный грех – отпадение от Бога, единственная добродетель – возвращение к Нему»*),

- экспрессивного дефинирования («Церковь – гарант духовной независимости», «жить – это медленно рождаться»),
- прецедентных текстов («с милым – рай», «папы всякие важны»; «любить иных – тяжелый крест»),
- иноязычных заимствований (ноу-хау, медийный закон, месседж, имидж),
- иностилевых заимствований (фанаты, журналюги, взгромоздиться на кафедре, тупое невежество),
- архаизации орфографии (безкорыстный, мир), неологии (захожанин, поболталки) и
- «неографии» – преднамеренному изменению графического образа слова (включая возможности алфавита, шрифта, формы, наклона, размера, цвета) в целом или его фрагмента с целью активации в выделенной структуре дополнительных смыслов (про**РОК**, ЛИ**К**без, при**МАТ**, крит**И**Ка, читал?КА).

Приближение православного слова к своему массмедийному адресату способствует расширению его стилистики, обращению к разным стилистически пластам языка. Как, например, история, описанная в очерке В. Кириллова «Мужицкое счастье»: «Приехал я как-то в Москву, а мне предлагают режиссёрство в Америке, в Австралии, – рассказывает Арсеньев. – Боже, что я там, вдали от Родины, забыл? – ответил им. – Мужиком я себя в деревне почувствовал, ребята. Настоящим русским мужиком! Всё теперь умею. Лес валить. Пилить, строгать, косить. Сети на озере ставить. Верхом на коне скакать. Грибы солить. Корову доить! Смотрят они на меня так, словно я с Луны свалился» [12]. Как заметила в одном из своих интервью Ю.Н. Вознесенская, известный современный православный писатель, «это попытка разговаривать с неверующими или ищущими... их языком. То есть то, о чем говорил апостол Павел (с греком я говорю по-гречески...) Это то, что делает дьякон Андрей Куряев. Он делает это очень ярко, очень заметно, может быть, для кого-то раздражающе, но он это делает. То же самое делаю и я. Гораздо более скромно, более незаметно, но я делаю то же самое» [3].

Православное слово, как показывает проведенный анализ, оказывается открытым также урокам дисфемизации (целенаправленного огрубления и стилистического снижения речи), даваемым современными масс-медиа, говорящими зачастую языком «рынка», на котором, как известно, особенно хорошо идут все формы культурной деградации (любовь с обильным слюноотделением, скотоподобные существа).

«Стилистическое диссидентство» [1, с. 61] православного слова расширяет его стилистический регистр, способствуя повышению выразительности и экспрессивности, направленной на аудиторию масс-медиа, однако одновременно создает условия для его десакрализации, разрыва связи с духовной традицией. Более того, дисфемизация, целью которой является создание негативно-оценочного эффекта, направленного на культурное пространство другого (сатанинские ценности, самодуровская выставка), задает крайне жесткий характер семантической оппозиции «свой – чужой», что создает условия для ксенологизации общественного сознания, утверждения аксиоматики иного как чуждого, которая, как известно, герметична к идеям уважения духовного выбора личности.

Массмедийная практика православного слова демонстрирует случаи использования технологии рефрейминга [2], то есть переформулирования, переосмысления и переопределения контекста или содержания номинирующего слова с целью изменения механизма восприятия и оценивания, в результате чего активизируются смыслы, зачастую оппонирующие сложившейся культурной традиции. К примеру, общечеловеческие ценности определяются не как «фундаментальные ориентиры и нормы, являющиеся эталоном для людей всех культур и эпох», а как «потеря этнокультурной идентичности», «потеря своей самобытности», «потеря границ собственного мира» и др.

Православное слово обнаруживает порой излишнюю жесткость и безапелляционность, что не воспринимается широкой аудиторией как «приглашение» к полноценному социальному диалогу. Показателем тому является жесткая, снижающая культурный статус оценочность (*духовный дебил*) и практически отсутствие в массмедийном православном диалоге таких слов, как *кажется, может быть, наверное, возможно*, при посредстве которых человек не только выражает оценку степени реальности или истинности того, что он утверждает, но и ищет «встречи» с другим сознанием с целью духовного-смыслового сотворчества.

Таким образом, православное слово, прокладывая в масс-медиа путь духовного восхождения современного человека, формирует просвещающее сознание и возвышающий душу социальный диалог, однако, испытывая на себе их репрессивно-форматирующую силу, оно становится открытым их стилистике, ослабляя связь со своей духовной традицией. Как сказал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, «говорить языком современной журналистики о смысле христианской веры получается далеко не всегда... Но в современном информационном обществе мы должны научиться говорить понятно и доступно, не утрачивая при этом важных смыслов и оттенков...» [11].

Список литературы

1. Ажгихина Н. И. Сумерки жанра / Н. И. Ажгихина // Журналист. – 2007. – № 5. – С. 61.
2. Бендлер Р., Гриндер Дж. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий: Пер. с англ. / Р. Бендлер, Дж. Гриндер. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 256 с.
3. Вознесенская Ю. Н. В один прекрасный день... [Электронный ресурс] / Ю. Н. Вознесенская // Правые люди. Новые имена. – 2005. – Режим доступа: [<http://pravaya.ru/ludi/451/4866>].
4. Всеволод (Чаплин), протоиерей. Жить так, как если бы конец Света наступал через полчаса [Электронный ресурс] / Всеволод (Чаплин) // Русская неделя. Вечный зов Сибири. – 14 мая 2011 г. – Режим доступа: [<http://russned.ru/hristianstvo/zhit-tak-kak-esli-by-konec-sveta-nastupal-cherez>].
5. Данилова Ю. Между миссией и медиа: православные СМИ в России [Электронный ресурс] / Ю. Данилова, В. Легойда // Полит.ру. – 12 октября 2007. – Режим доступа: [<http://www.polit.ru/article/2007/10/12/pravoslavniesmi/>].
6. Долженко, О.В., Тарасова, О.И. Образование: от масс-медиа к «урокам бытия» [Текст] / О.В. Долженко, О.И. Тарасова // Высшее образование в России. – 2009. – № 4. – С. 12 – 17.
7. Иоанн архиепископ Белгородский и Старооскольский. Все мы разные и все Христовы / Иоанн, архиепископ Белгородский и Старооскольский // Добродетель. – 2009. – № 2 (13). – С. 2.
8. Иона (Черепанов). День рождения народа / Иона (Черепанов) // Фома. – 2010. – № 7. – С. 70 – 71.
9. Казак М. Ю., Шайдарова Ю. А. Феномен разговорности в языке газеты / М. Ю. Казак, Ю. А. Шайдарова. – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2009. – 160 с.
10. Кара-Мурза С. Г. Конкуренция – это наше всё? 27 июля 2008 г. [Электронный ресурс] / С. Г. Кара-Мурза // Режим доступа: [http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=804].
11. Кириллов В. Мужичье счастье / В. Кириллов // Русский дом. – 2011. – № 9. – Режим доступа: [<http://www.russdom.ru/node/4305>].
12. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Церковная жизнь должна быть служением [Электронный ресурс] / Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси // Известия. – 12 мая 2009 г. – Режим доступа: [<http://www.izvestia.ru/news/348393>].
13. Кириллова Н. Б. Медиакультура: От модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. – М.: Академический Проект, 2006. – 448 с.
14. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста / Н. И. Клушина. – М.: МедиаМир, 2008. – 244 с.
15. Кобец О. Церковь, образование, культура / Олег Кобец, протоиерей // Под общ. ред. И. М. Невлевой. – Белгород: Кооперативное образование, 2005. – С. 6 – 18.

16. Кокшенева К. А. Нам не нужны тексты с бесконечными небесами и колокольчиками / К. А. Кокшенева // Русская народная линия. – 29 апреля 2009 г. – Режим доступа: [http://www.ruskline.ru/monitoring_smi/2009/04/29/nam_ne_nuzhny_teksty_s_beskonechnymi_nebesami_i_kolokolami_ptichkami_i_svechkami/].
17. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб: Златоуст, 1999. – 320 с.
18. Кураев А. О вере и знании [Электронный ресурс] / Андрей Кураев, диакон // Православная беседа. – Режим доступа: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=583>
19. Легойда В. Р. СМИ и религия: о принципиальной (не)возможности адекватного дискурса [Электронный ресурс] / В. Р. Легойда. – 2003. – Режим доступа: [http://www.religare.ru/2_2878.html].
20. Легойда В. Р. О надежде слабых и ответственности сильных / В. Р. Легойда // Фома. – 2009. – Специальный выпуск. – С. 4 – 5.
21. Мансурова В. Д. Обойдемся «голыми» фактами? / В. Д. Мансурова // Медиа-дискурс. – 2007. – № 2. – С. 4 – 5.
22. Мирошник Е. Аннушкина тайна / Е. Мирошник // Добродетель. – 2009. – № 3. – С. 24 – 25.
23. Морозов А. Вера в мире коммуникаций [Электронный ресурс] / А. Морозов. – Православный правозащитный центр «Территория церкви». – 2002. – Режим доступа: [http://www.religare.ru/2_309.html].
24. Невлева И. М. Одухотворение личности через приобщение к ценностям православия / И. М. Невлева // Под общ. ред. И. М. Невлевой. – Белгород: Кооперативное образование, 2005. – С. 47 – 62.
25. Сергей (Королев), епископ. Значение и сила слова. Слово должно творить нашу жизнь [Электронный ресурс] / Сергей (Королев) // Богословие. Святоотеческое наследие. – Режим доступа: [<http://www.voskres.ru/bogoslovie/sergii.htm>].
26. Сергей (Махонин), протоиерей. Наше гражданское общество неспособно взять на себя обязанности цензора [Электронный ресурс] / Сергей (Махонин) // Русская линия. – 19 сентября 2011 г. – Режим доступа: [<http://rusk.ru/newsdata.php?idar=50434>].
27. Сергей (Николаев), протоиерей. Слово пастыря / Сергей (Николаев) // Славянка. – 2008. – № 3 – 4. – С. 6 – 7.
28. Солганик Г. Я. Современная языковая ситуация – язык СМИ – литературный язык / Г. Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. – 2011. – № 1. – С. 9 – 21.
29. Суздальцева В. Н. «Дорога к храму...»: Лексика религиозной тематики в российской лингвокультурной модели мира / В. Н. Суздальцева // Журналистика и культура русской речи. – 2006. – № 3. – С. 32 – 37.
30. Чернышова Т. В. Публичная речь сквозь призму оценочности [Электронный ресурс] / Т. В. Чернышова // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. – Режим доступа: [http://siberia-expert.com/publ/publichnaja_rech_skvoz_prizmu_ocenochnosti_t_v_chernyshova/3-1-0-63]
31. Шестинский О. Самобытное слово Вологды / О. Шестинский // Слово. – 2008. – № 4. – С. 100 – 103.

ORTHODOX WORD: FROM PATRISTIC TRADITION TO THE TRADITION OF MASS MEDIA

A. V. Polonskiy

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Polonskiy@bsu.edu.ru*

In the article the discourse features of the orthodox word in conditions of the modern Russian mass media are considered.

Key words: orthodox word, mass media, discourse, communication, culture.